

МЕСТО ПРОЛОГА В КОМПОЗИЦИИ ЖИТИЯ МЕФОДИЯ

Иштван Феринц

В настоящее время известны 15 списков Жития Мефодия XII - начала XVIII в.¹ Самый старый список Жития в последний раз был опубликован в "Успенском сборнике XII-XIII вв."² Этот же список русского пергаменного сборника XII в. положен в основу болгарского издания Жития.³ Наши наблюдения основываются на этих изданиях.

Исследователи Жития Мефодия уже давно обратили внимание на то, что хотя оно формально следует схеме жития, выработанной в византийской агиографии, этот памятник далеко отходит от типичных образцов данного жанра. В связи с этим, как правило, указывают на необычное введение, которое не имеет параллелей в памятниках современной византийской агиографии. Дело в том, что пролог к Житию Мефодия занимает почти четвертую часть всего произведения и представляет собой целый трактат, состоящий из трех частей. В первой части кратко излагаются основные положения христианского вероучения о Троице, о сотворении мира и человека и о грехопадении. Во второй части дается краткое перечисление ветхозаветных патриархов и пророков, которых бог послал людям, чтобы они стали образцом для подражания. В третьей части главное место занимает перечень шести вселенских соборов. На основе сопоставления введения с остальными частями памятника Ф. Гривец⁴ пришел к выводу, что оно заметно отличается от остальных частей стилем и манерой изложения. Далее, приведенные в этой части цитаты дословно совпадают со старославянским переводом Библии, в то время как в других частях памятника наблюдается более свободная их передача, вероятно, по памяти. На основе проведенного сопоставления Ф. Гривец выдвинул тезис, что введение к Житию Мефодия составляет особое сочинение, написанное иным автором, чем остальной текст. Этот тезис в настоящее время получил общее признание. Ф. Гривец отметил также, что по содержанию и структуре первая и третья части трактата обнаруживают близость с так называемым

"исповеданием веры", которое должны были давать духовные лица по требованию властей в случае, если возникали сомнения в их правоверии или же речь шла об их назначении на епископскую должность. Исследователи не сомневаются, что Мефодий должен был давать такое "исповедание веры", когда его назначали в 869-70 гг. архиепископом Паннонским, а затем в 880 г., когда он был вызван в Рим, ибо немецкое духовенство в Моравии обвинило его в неправоверности. Поэтому исследователи предполагают, что в основу трактата-введения к Житию было положено "исповедание веры" Мефодия, ведь писалось Житие вскоре после смерти Мефодия,⁵ когда между учениками Мефодия и немецким духовенством в Моравии развернулась острая борьба, когда обе стороны взаимно обвиняли друг друга в неправоверии, а "исповедание веры" Мефодия дважды было одобрено папской курией, и таким образом оно могло доказать правоверность героя Жития. Это нетипичное для житийного произведения начало таким образом преследует цель демонстрации ортодоксии Мефодия и опровержения обвинений, выдвигавшихся против Мефодия и его дела. В то же время оно вводит нас в гущу полемики в великоморавском обществе середины 80-х годов IX в.

Однако, помимо указанных аспектов можно рассмотреть функцию и значение трактата-введения и со стороны построения всего произведения во взаимосвязи со всей деятельностью его героя.

Жития писались с целью рассказать о жизни и подвигах святого, прославить его память, удивить его святостью и силою веры. Задача автора-агиографа заключалась в подборе материала для подтверждения святости героя. Эта задача решалась в рамках биографического повествования о жизни героя и его кончине. В подобном "биографическом" повествовании дается не просто образ и не просто человеческая жизнь, но образец, святое житие. Агиография ведь прежде всего "искусство спасения", стремящееся обрисовать образец спасительной, т.е. святой жизни и предполагающее подражание. Разность в жизненном материале жития есть разность

лишь в области подражания образцу.

Именно такую цель поставил перед собой автор Жития Мефодия, обращая внимание читателя на дела Мефодия, которые имеют свое предначертанное место в истории спасения богом человечества. Без трактата-введения деятельность, подвиги Мефодия лишились бы своего глубокого сакрального смысла. Ведь рассказывая о сотворении мира и человека, автор подчеркивает его праобразное значение: подобно тому, как "по величию и красоте созданий размышлением познается создатель их"^{*}, так и святой познается по его подвигам и добродетелям, и духовная красота украшает человека. Рассказав о грехопадении первых людей, автор подчеркивает, что "бог в своей великой любви и милосердии не оставил до конца человека, но на каждый год и каждое время избрал мужа и показал людям дела их и подвиг, чтобы всех, уподобляясь им, побуждались к добру". В этих строках заключается глубокий смысл всего дальнейшего обзора библейской истории с перечислением ветхозаветных патриархов, пророков, а также посредника /Иоанна/ между Ветхим и Новым заветом. Таким образом события Ветхого и Нового завета связываются в один ряд истории божьего промысла. Деятельность первых апостолов, кровь мучеников за веру, подвиги и труды преемников апостолов и решения шести вселенских соборов "христианскую веру, поставив на истине, утвердили".

Начав свой рассказ о детстве Мефодия непосредственно после перечисления шести вселенских соборов, автор внушает читателю богоизбранность своего героя и мысль о том, что он придерживается истинной веры в духе постановлений вселенских соборов. Сравнивая добродетели и подвиги своего

^{*} Цитаты даются в переводе на современный русский язык, опубликованном в "Сказаниях о начале славянской письменности". Изд. "Наука", М., 1981, стр. 93-101.

героя с перечисленными богоугодниками, автор заверяет своего читателя в том, что "одним он равен был, других немного меньше, а иных больше, тех, кто прославился словом, превосходил делами, а тех, кто прославился делами, превосходил словом". Последующие за этим строки дают как бы обобщенную, отвлеченную характеристику Мефодия, который "всем им уподобившись, стал воплощением всех их достоинств. Несмотря на то, что сравнение Мефодия с угодниками и его достоинства, являются простым соединением ряда цитат из панегириков Григория Богослова Василию Великому и Афанасию Александрийскому, а также пересказом перечня добродетелей Афанасия Александрийского⁷, с точки зрения композиции Жития Мефодия они очень важны, ведь вся святая жизнь, вся деятельность Мефодия, а также отдельные его подвиги подтверждают эту характеристику. Ярче всего формируется цель и смысл его жизни в словах, заимствованных из I Кор. 9,22: "он стал всем для всех, чтобы всех привлечь." Этой целью освещаются его подвиги, и неслучайно, рассказывая о гребении Мефодия, автор так подробно перечисляет, кто его оплакивая проводил: "мужчины и женщины, малые и великие, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовы и сироты, иностранцы и местные, больные и здоровые". Одним словом - все. Из этого агнографом делается заключение, что Мефодий своими отдельными подвигами и своей жизнью "стал всем для всех, чтобы всех привлечь", т.е. поставленная им самим перед собой цель достигнута и неслучайно повествование по его подвигам заканчивается повторением исходной библейской цитаты.

Итак, пролог к Житию Мефодия является важным неотъемлемым компонентом структуры Жития как целостного произведения, в нем обосновываются богоизбранность героя, его правдивость, а также преемственность его подвигов и добродетелей по отношению к предшествовавшим ему угодникам. Конкретная борьба, конкретные добродетели и подвиги Мефодия благодаря прологу приобретают общехристианский смысл и становятся частями мировой истории в ее средневековом понимании.

Примечания

- 1 Перечень списков дается в издании "Климент Охридски".
Събрани съчинения. София, 1973, т. 3. 164-168.
- 2 Успенский' сборник XII-XIII вв. Издание подготовили
О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон, под редак-
цией С.И. Каткова. Изд. "Наука", М., 1971, стр. 188-198.
- 3 Климент Охридски: Събрани съчинения, Пространни жития
на Кирил и Методии. Подготвили за печат Боню Ст. Анге-
лов и Христо Кодов, София, 1973, стр. 160-212.
- 4 Grivec F., Tomšič F. Constantinus et Methodius Thessaloni-
censes. Fontes. - In: Radovi Staroslovenskog Instituta.
Zagreb, 1960, kn. 4. Его же: Konstantin und Method.
Lehrer der Slawen. Wiesbaden, 1960.
По выявлению и уточнению в тексте Жития заимствований
из литературных источников, помимо Ф. Гривца, большую
работу проделал В. Вавжинек
Vavřínek V., Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje
a panegyriky Řehoře z Nazianzu. - Listy philologické,
1962, № 1.
- 5 Как известно, в самом памятнике нет каких-либо опреде-
ленных указаний на время его написания, но еще
А.В. Горский, основоположник изучения Жития Мефодия
утверждал, - на основе анализа особенностей его повество-
вания о некоторых фактах, известных и по другим источ-
никам - что Житие Мефодия было написано вскоре после его
смерти, время. Этот вывод полностью подтвердил тщатель-
ный анализ структуры и направленности памятника, прове-
денный чехословацким исследователем В. Вавжинком см.
Vavřínek V. Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje,
roz. V.

- ⁶ Об особенностях агиографического жанра см. И.П. Еремин, Лекции по древней русской литературе. Изд. Ленинградского университета 1968, стр. 13-15.
Д.С. Лихачев, Развитие русской литературы X-XVII веков, Изд. "Наука" Л., 1973, стр. 49-62.
Б.П. Берман, Читатель жития /Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия/. В "Художественный язык средневековья", Изд. "Наука", М., 1982, стр. 159-184.
- ⁷ Vavřínek V., Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje a panegyriky, стр. 114-115.